

Его удовлетворённое желание возбудило член, заставив его эрегировать, в то время как тело жаждало догнать духовный экстаз. А за маской холодности и отчуждения скрывалась безжалостная жадность, настолько сильная, что даже постоянная смена молодых парней, стоявших на коленях у его ног, не могла сравниться с крупным заказом, способным довести его до оргазма.

В таком состоянии он позволял себе целовать Бань Цзюня, требуя, чтобы тот ввёл свой член в его тело. Он хотел освободить радость, превращённую в похоть. Осязаемое удовольствие от трения и напряжение, переходящее в приятную ломоту, были чувственным воплощением счастья, поэтому даже на боль ему было наплевать.

Такой человек — и это был тот, кого любил Бань Цзюнь.

Он не был тем самым братцем-солдатом. Или, скорее, тот братец-солдат был всего лишь идеализированным прошлым Бань Цзюня.

А тот, кого Бань Цзюнь обнимал сейчас, этот ненасытный человек, и был настоящим Сяо Цзяном.

Сяо Цзян даже не заставил Бань Цзюня использовать смазку. Он просто схватил его за запястье и, пользуясь струёй воды, ввёл его пальцы в свой кишечник. В процессе он жадно раскрывал анус, словно пытаясь принять пальцы Бань Цзюня целиком.

Однако, когда вошёл член, складки плоти сразу же разорвались. Острая боль смешалась с удовольствием от наполнения, и Сяо Цзян с облегчением вздохнул. Молча сжав кулаки и прижав их к кафелю, он прошептал:

— Быстрее, трахни меня. Верни то, что ты отдал другим, и хорошенько меня выеби.

Бань Цзюнь прижал Сяо Цзяна за плечи, с силой вгоняя член как можно глубже. Неподготовленный анус мгновенно был полностью растянут толстым стволом, и боль заставила Сяо Цзяна глухо застонать.

Но он не позволил Бань Цзюню остановиться. Или, скорее, Бань Цзюнь и сам не хотел замедлять темп. Раскрытый кишечник влажно и тепло обхватывал Бань Цзюня, создавая разительный контраст с отвратительным характером его обладателя. Кровь, вытекавшая из ранки, смешивалась с водой и стекала по бёдрам, уносясь в слив. Пот же смывался, и в горячем воздухе разливался лишь густой запах алкоголя.

В ванной комнате наполнились стоны Сяо Цзяна и шлепки плоти о плоть. Сила, с которой его трахали, была такова, что казалось, будто вот-вот разорвут кишечник, а самого Сяо Цзяна вдавят в швы между плитками. Стимуляция от трения головки члена о чувствительную зону заставила его собственный член напрячься и выпрямиться, выпуклые вены набухли. Бань Цзюню достаточно было лишь провести рукой по краю головки, как тот, не в силах сдержаться,

выплеснул сперму.

Бань Цзюнь перевернул Сяо Цзяна, поднял его к краю раковины, чтобы член мог войти ещё глубже. Сяо Цзян тут же обхватил его тело, и на остатках оргазма его кишечные мышцы ещё сильнее сжались вокруг желаний Бань Цзюня.

До их соития между ними была любовь. Но почему же после него Бань Цзюнь чувствовал только секс?

Когда Цзы Янь плакал перед Стариной Су из-за других людей, Старина Су был слегка раздражён.

Вот так, братик подрос и уже знает, как выворачивать локти наружу.

Но, несмотря на это, Старина Су всё же утешил его несколькими словами. В конце концов, он знал: если уж его брат с таким характером осмелился позвонить Лысому и попросить его сначала отправить того старшего брата в Южную общину для извлечения пули, значит, этот локоток, вероятно, уже не вернётся.

Выстрел Бань Цзюня точно попал тому в плечо, пуля осталась внутри. Отправлять его обратно в Северную общину было слишком далеко. Однако и Лысый не мог отвлечься — только что привезли две коробки нового товара от Юй Чэ, и он как раз на месте обсуждал с Леопардом, как его использовать.

Эти две коробки были новым товаром. Ранее в небольшом торговом районе Ухэ он получил неплохие отзывы. Юй Чэ хотел взять этот бизнес на себя, чтобы впоследствии стать дистрибьютором этого продукта в Усяо. Штука эта шла по самой грани, не нарушая закон, — просто возбуждающее средство, да и зависимости почти не вызывало. В Гуансэне он раздал его двум танцевальным клубам, и людям понравилось. Вот только цена была довольно высокой. Если пускать его в районе красных фонарей Леопарда, надо было учитывать соотношение вложений и отдачи, так что это была пробная партия.

Леопард, хоть и занимался секс-индустрией, был довольно консервативен. Он не позволял наркотикам проникать в его заведения. Такие вещи, хоть и приносили кайф, не способствовали повышению уровня жизни. Однако в районе красных фонарей без возбуждающих средств никуда — это гарантия, что мальчики и девочки будут полны сил, а клиенты — боевого духа.

Леопард предложил сначала дать попробовать нескольким людям, особенно опытным. Они лучше смогут оценить, стоит ли товар своей цены, понять, нужен ли он клиентам и в каком примерно количестве.

Лысый не возражал. Он взял одну бутылку и осмотрел её. С виду — обычная вода. Открыл, понюхал — тоже похоже на воду. Он отхлебнул немного, но не почувствовал никакого вкуса.

— Это уже разбавлено, да? На этикетке содержание указано?

Леопард сказал, что нет. Мол, эффект не сильный, главное — не выпивать всю бутылку сразу. А так — бесцветно и безвкусно, при приёме меры не почувствуешь.

С этими словами Леопард протянул ему две бутылки.

— У тебя ведь тоже два заведения есть, попробуй там. Больше рыночных данных соберём.

Лысый фыркнул:

— Настоящим бизнесменом стал, рыночные данные... собираешь.

Сначала он хотел спросить про цену, но тут зазвонил телефон.

Когда Цзы Янь закончил говорить, тема перешла на того старшего брата.

Леопард, конечно, был против того, чтобы тот человек приходил. Но безопасность была в ведении Лысого, и он не мог ничего сказать. Тем более...

— Ты, блядь, хочешь взять — бери. Вижу, отказать своему красавцу ты всё равно не сможешь. Но обработай рану и побыстрее отправь. Этот тип тут останется — ещё придётся нам отвечать перед людьми из Северного района за его грехи.

Леопард был прав. Лысый поспешно сунул в карман несколько бутылок с водой и позвал братьев на подмогу.

Вот почему они со Старинной Су стояли с мрачными лицами и смотрели, как плачущий Цзы Янь сидит рядом с человеком, извлекающим из своей руки пулю. Вся рука в крови, а человек молчит, будто клещи впиваются не в его плоть, а в плоть Цзы Яня, отчего у того слёзы так и текут. Углубляться в эту картину ни тому, ни другому не хотелось.

Цзы Янь был непослушным.

Не смотрите, что с виду он такой покорный, — внутри он очень даже бунтарь.

— Как перевяжешь — вали отсюда, — буркнул Лысый, доставая сигарету и ставя бутылку с водой на верх холодильника. Он отошёл к окну и пробормотал себе под нос:

— Ты ещё эту большую звезду втянул... Что, твой Вожак в шоу-бизнес метит?

Человек молчал. И только когда пулю полностью извлекли из его руки, он хриплым, низким голосом произнёс:

— Спасибо, Лан Гэ.

— Я тебе не Лан Гэ, — холодно ответил Лысый.

Человек посмотрел на Цзы Яня и сказал:

— Посидел, Цзы Янь, спасибо.

Цзы Янь вытер слёзы.

Старина Су очень не хотел выходить из комнаты. Но, видимо, дожидаться в комнате Цзы Яня, который собрался уходить с этим человеком, у него тоже не получалось. Пришлось ему просить, чтобы его развязали, — он обещал не сбежать, да и не смог бы.

Затем он вышел в мешковатой одежде Лысого, холодно обошёл вокруг двух человек в гостиной, снова попросил у Лысого сигарету и продолжил похаживать, разглядывая.

Ему не нравился этот парень. Не только из-за возраста, но и из-за дикой, звериной ауры. Ясно, что он не из их круга, из Усяо, и уж точно не пара его красивому Цзы Яню. Да и это молчание что значит? Всем недоволен, что ли?

— Имя? — наконец спросил Старина Су, видя, что никто из волчат не задаёт вопросов. Что ж, спросит он.

Человек, похоже, не сразу понял, что вопрос адресован ему. Посмотрев, что никто не отвечает, он перевёл взгляд на Лысого, потом на Старину Су и сказал:

— Чжань Чэнь.

Хм, имя тоже не из Усяо.

Старина Су усмехнулся, словно нарочно демонстрируя своё недовольство, взял бутылку с водой с холодильника и открутил крышку. Ему не нравилось пить из кружки Лысого — та выглядела так, будто её не мыли сто лет. Наверное, Лысый вообще воду не пил, в холодильнике одни бутылки с вином «Огненный конь». Изредка попадалась пара бутылок «Ледяного грифа» — вот они хоть как-то поднимали уровень этого места.

— Из Северной общины? — снова спросил Старина Су.

— Угу, — ответил Чжань Чэнь.

Старина Су залпом выпил воду, потряс пустой бутылкой и обратился к брату:

— А ты с ним как познакомился? В Северную общину школу строить поехал, да сам в кирпич превратился?

Волчата хором посмотрели на Лысого. Но тот, увлечённо смотря в окно, проигнорировал их. Тогда они снова посмотрели на Старину Су, не зная, не часть ли это какого-то плана их Вожака, и благоразумно выбрали молчание.

Цзы Янь чувствовал себя неловко. Он быстро встал, отвёл брата в сторону, в комнату, и бросил Чжань Чэню:

— Чжань Гэ, подожди немного, я с братом поговорю.

<http://bllate.org/book/15264/1347079>